

18 Колдовская любовь. Тайное зелье для двоих

Наталья Червяковская

Современная проза и поэзия

Наталья Червяковская

Колдовская любовь.

Тайное зелье для двоих.

Современная проза и поэзия

«Издательские решения»

Червяковская Н.

Колдовская любовь. Тайное зелье для двоих. Современная проза и поэзия / Н. Червяковская — «Издательские решения»,

Книга «Колдовская любовь. Тайное зелье для двоих» рассказывает о всепоглощающей взаимной страсти, вспыхнувшей между Демидом и Властой. Их судьбы, пройдя сквозь непростые испытания, сплелись в нерушимый союз двух сердец. Плодами этой любви стали две прекрасные дочери — Маруся и Нюша. Эта история приоткрывает потаённые глубины человеческой души и являет чудо того, как любовь, осенённая покровительством родных Богов, преображает весь мир, когда двое обретают гармонию в себе и друг в друге.

Содержание

Власта	6
Душа не знает повторений	18
Демид	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Колдовская любовь.
Тайное зелье для двоих
Современная проза и поэзия**

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0070-4749-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Власта

*Стих, отверзающий сию повесть, — я посвящаю себе и ему, тому,
кто уже переступил за грань бытия.*

*Когда иссякнет эта пустота — о том не возвестят и розы, что
цветут меж нами.*

Кому легче: оставшемуся или ушедшему?

*Между двумя мирами цветёт одна тишина: ему без меня — как
рассвету без света, мне без него — как песне без голоса.*

Она любила белые цветы,
А он дарил ей алые упрямо.
Она ждала безмолвной пустоты,
Он ворвался — и рухнула та драма.

Он был огонь, бушующий и нежный,
Она — свеча, но пламя на двоих.
Не муж, не рок, не берег неизбежный —
А близнецовый свет в мирах иных.

В её висках живой метроном бьётся,
Без устали ведёт немой отсчёт.
Без слёз живёт. И боль, и радость — льётся
Один поток, и всё в себе несёт.

Семнадцать алых роз — как вечный звон,
Гитары гриф в прохладной полумгле.
Она молчит, забыв про тишь со всех сторон,
Лишь дождь шумит на стынущем стекле.

Он был звездой, что светит только в ночь,
Она — луной, ловившей этот свет.
Вопросов нет, хоть сердце превозмочь,
И не было ответа столько лет.

Проходит год, за ним ещё один,
Всё тот же сон — не опустить ресниц.
Она хранит тот день, как хрупкий глиня,
И отблески далёких тех зарниц.

Он не звонит, но эхо тех ночей
Живёт в струне, дрожит сквозь ветерок.
Семнадцать роз — не выдох, не ничей,
А жизни простреленный виток.

Любимый человек ушёл рекой,
Не дав испить, оставил только след.
Она идёт, окутанная тьмой,
И в сердце носит тот прощальный свет.

В её руке — остывший лепесток,
Упавший с алых роз в последний май.
Она не ищет новый свой порог,
Храня прощальный взгляд, как дальний рай.

В этой жизни можно говорить правду кому угодно — читателю, случайному прохожему, знакомому, равнодушному родственнику, — но прежде всего — себе. И самое поразительное: когда произносишь эту правду вслух, обнажая жизнь историей, что когда-то случилась и до сих пор сочится кровью, — тебе не верят. Ну и пусть. Я хочу выговориться. Написать дневник. Или просто вспомнить. А давай. Посмотри вглубь себя и начни.

Правда — это тишина, которую мы нарушаем в одиночестве, чтобы услышать эхо собственной души.

Меня зовут Власта. Мне тридцать восемь. Мать дала мне это имя — вычитала в старом романе и влюбилась, говорила она. Власта — значит «власть». Она не ошиблась. Я выросла такой: властной, резкой, привыкшей брать своё, не спрашивая позволения.

Внешность под стать имени. Жгучая брюнетка с длинными прямыми волосами — я никогда их не крашу и не стригу короче лопаток. Глаза зелёные, и цвет их переливается: от болотной мглы до яркого изумруда, смотря какой свет. Кожа белоснежная, тонкая, почти прозрачная на висках — там проступают голубые жилки, словно реки под первой весенней коркой льда. Нос маленький, аккуратный, чуть вздёрнутый — в юности я злилась на него, мечтала о гордом греческом профиле. Теперь понимаю: он делает меня моложе. Губы пухлые от природы — их не нужно накачивать, они и так полные, яркие, даже без помады.

Взгляд, говорят, хватает за душу. Я умею смотреть так, что человек забывает, о чём говорил. Стройная, юркая, гибкая — до пятнадцати лет я занималась спортивной гимнастикой, и тело запомнило эту пластику. Каждое движение — отголосок той девочки, что умела летать. Потом случилась травма — и о гимнастике пришлось забыть навсегда. Но лёгкость осталась. Как шрам, только невидимый.

Всю свою сознательную жизнь я слышала за спиной: «Хитрая». Сначала это задевало. Но потом я поняла: они даже не догадываются, что это не хитрость. Это моя жизнь. Так, как я умею дышать, выживать, обходить острые углы, не ломая себя. Да, я хитрая. И не зря меня

называют лисой. Лиса — это не про обман. Лиса — это про глаз, который видит тишину, и шаг, который стелется по ветру.

Я красивая. Я это знаю. И зеркало здесь ни при чём — оно лишь эхо того, что уже выжжено в чужих зрачках. Мужской взгляд спотыкается об меня, как о камень посреди гладкой дороги — замирает, цепляется, тонет. Женский — режет наотмашь, скальпелем по живому: ищет шов, трещину, место, где можно подцепить и вспороть. И трещина есть. Конечно есть. Она внутри — тонкая, как паутина на старом стекле. Снаружи — фантик. Глянцевая плёнка. Обёртка, под которой дышит женщина, смертельно уставшая быть сильной. Но никто не догадается. Я выучила этот танец. Красота — мой доспех, и он распахивает любые двери, но не выпускает в душу. Сколько раз я слышала: «Ты слишком красивая, чтобы быть умной», «слишком красивая, чтобы быть верной», «слишком красивая, чтобы быть несчастной». Люди слепы. Они путают лицо и суть. Им кажется: раз скулы точёные, а ноги длинные — значит, внутри тоже лакированный пол и стерильный блеск. А внутри — та же грязная каша из страхов, недосказанных слов и сожалений, что живут под кожей тоньше любых шрамов. Но кому какое дело? Людям не нужны чужие слёзы. Я должна быть гибкой. Хитрой. Неуловимой. Нытьё и выворачивание себя наизнанку — роскошь, которую я не могу себе позволить. Своих монстров я разберу по косточкам, соберу заново и переплавлю. Того, кто живёт внутри и пугает меня до дрожи — я сама выточу, как скульптор своё совершенство. Как свою Галатею. Только без Богов. Сама. Страх лепит меня, но я стану его резцом — и высеку себя из собственной дрожи.

Я вышла замуж в восемнадцать лет. За высокого блондина с правильными чертами лица и тёплым местом в банке. Мать была счастлива: «Приличный человек, обеспеченный, не пьёт, не бьёт». И правда — не пил, не бил, не изменял. По крайней мере, я так думала. Мы прожили десять лет. У нас родился сын, Егор. Я была идеальной женой: готовила, убирала, встречала с улыбкой, ходила на родительские собрания. Он был идеальным мужем: зарабатывал, не опаздывал, чинил кран на кухне, когда тот капал. Всё было идеально. До того самого утра, когда в его пиджаке я наткнулась на чужую серёжку — дешёвую бижутерию, жалкую, чужую, не мою. Я молчала три дня. Смотрела на него за ужином, слушала его рассказы о пробках на МКАДе и чувствовала, как внутри закипает тяжёлая, густая злость — медленная, как патока, и такая же липкая. На четвёртый день я спросила прямо. Он побледнел, начал мямлить, бормотать, что это случайность, что она ничего не значит, что он любит только меня. Я смотрела на него — и видела мальчика, который боится признаться, что разбил вазу. И не было никакой трагедии. Просто измена. Просто жизнь, которая показала нам, что мы рисовали её слишком яркими красками.

Я не устраивала скандала. Не била посуду, не рыдала в мокрую подушку. Я сказала ровно: «Собирай вещи». Он упирался, ползал на коленях, названивал моей матери — пусть давит авторитетом. Мать приехала. Села на кухне, выпила чай не спеша и вынесла приговор: «Власти, ты дура. У тебя дом. Семья. Ребёнок. Муж оступился — с кем не бывает. Ты не первая, не последняя. Прости». Я посмотрела на неё — и впервые в жизни сказала правду: «Ты простила отца, когда он гулял. И что? Ты счастлива? Ты улыбаешься по утрам? Или просто терпишь, потому что боишься остаться одна, как пустая комната?» Мать заплакала. Впервые я увидела её слёзы. Она ушла с кухни молча, оставив чашку недопитой. А я развелась. Через полгода. Спокойно, по закону, разделив имущество без крика и договорившись об алиментах без ненависти.

Сын остался со мной. Егор — это отдельная глава, почти роман. Внешностью он пошёл от отца: светлый, как первый снег, голубоглазый, ясный. Но внутри — мой. Упрямый до хруста,

гордый, как скала, и лжи не терпящий — ни в малом, ни в большом. Когда ему стукнуло двенадцать, он спросил прямо, глаза в глаза: «Мама, почему папа ушёл?» Я могла бы отделаться заученными фразами — мол, разлюбили, так бывает, стёрлось. Но я сказала правду, не пригладив её, не припудрив: «Папа полюбил другую. Я не смогла с этим жить». Он выслушал, кивнул, помолчал — будто взвесил каждое слово на внутренних весах. А потом ответил: «Ты сильная. Я бы тоже не смог». В ту минуту я поняла: я вырастила мужчину. Не идеального, нет — живого, с острыми углами, но честного. Хотя бы перед самим собой. А это, пожалуй, главное.

После развода я ушла в работу с головой, как в ледяную воду, — чтобы не думать, не помнить, не оглядываться. У меня свой небольшой салон красоты. Я открыла его на деньги, которые заработала сама, ещё в браке, тайком от мужа. Когда-то я была всего лишь домохозяйкой, но за плечами у меня институт пластической хирургии и косметологии. Мой супруг всегда смотрел на мою специальность свысока, с той снисходительной, почти наивной усмешкой: «Посмотри вокруг, — твердил он, — все помешаны на красоте, а не на уме». Увы и ах. А я тем временем подрабатывала в сети: продавала косметику, вела соцсети, и средства от рекламы капали — потихоньку, но верно. Мой благоверный и не подозревал, что капает-то оно весьма и весьма недурно.

Ремонт, закупка оборудования, найм персонала — всё сама. Салон стал моей крепостью, моей цитаделью среди хаоса. Я входила туда в восемь утра, когда город ещё зевал, и покидала его в десять вечера, когда улицы гасили огни. Массаж лица, уходовые процедуры, подбор косметики — я научилась лепить внешнюю красоту, хотя сердцем знала: истинная прелесть не в гладкой коже, а в свете, который струится изнутри. Но клиентки жаждали именно этого — отражения без изъяна, и я дарила им его. Они уходили, окрылённые и счастливые, а я оставалась в пустом кабинете, где воздух ещё пах их духами и надеждами. Я подходила к зеркалу и всматривалась в своё отражение — женщину, которая справилась. Которая выстояла сама. Без чьей-либо руки, без опоры, без разрешения быть сильной.

Мужчины появлялись. Ещё бы. Куда ж без них? Я была первоклассным косметологом, и клиенты-мужчины водились — не редкость. Случались короткие романы, бывали и долгие ухаживания. Только короткие романы — чепуха, мне не до них. Самый огромный роман в моей жизни — это моя работа и мой сын. Однажды я решила взять небольшой отпуск и уходила с работы ровно в шесть вечера. И тут, откуда ни возьмись, среди моих клиентов объявился художник — он же чертяка. Уговорил меня написать мой портрет. Этот художник писал его и твердил, что мои глаза напоминают лесное озеро. Я позировала ему три недели, а потом поняла: он влюблён не в меня, а в своё представление обо мне. Он видел только оболочку, только глаза, только губы. Ему не нужно было знать, что я боюсь темноты и сплю с включённым ночником. Я ушла. Картину он дописал без меня. Говорят, она висит в какой-то галерее. Я не ходила смотреть. Чего ради? Там, поди, всё то же самое: красивая пустота, на которую он так талантливо пялился, забыв спросить, а есть ли за ней кто живой.

Был ещё один клиент — бизнесмен, старше меня на пятнадцать лет. Уверенный, седой, с руками, помнившими тяжесть денег. Он пытался меня купить — ресторанами, подарками, поездками. Я позволяла себя покупать ровно до того мига, пока он не сказал: «Будь моей содержанкой. Тебе не нужно работать». Я рассмеялась ему в лицо — не зло, а искренне, с той лёгкостью, с какой смеются над нелепой шуткой. Он не понял. Он всерьёз верил, что красивая женщина — лишь декорация при успешном мужчине. Я не стала объяснять. Просто встала и ушла. Он кричал вслед, что я дура, что буду жалеть. Я не пожалела. И теперь, когда думаю о нём, с улыбкой представляю, как лет через пять он будет тратить те же самые деньги — только

уже не на меня, а на пластические операции и манную кашку. Искренне надеюсь, что кашка будет без комочков.

Сейчас, в тридцать восемь лет, я живу одна. Сын учится в другом городе — мой Егор, будущий кок на корабле, приезжает лишь на каникулы. У меня есть квартира, салон, две кошки — персидская аристократка Зухра и простая дворовая Зина, которую я подобрала на улице. Кошки были моими, но однажды они перебрались в квартиру Дениса — и с той поры он стал их полноправным властелином. Теперь они в надёжных, тёплых, заботливых руках. Просто, но как же в этой простоте звенит красота. Есть у меня друг — Денис, мой Дэн. Когда-то он был классным руководителем моего сына. Молодой, красивый, неженатый. И единственный, кто знает, что по ночам я иногда плачу. Не от жалости к себе. Просто что-то накапливается — усталость, невысказанность, одиночество — и прорывается слезами. А утром я встаю, крашусь, надеваю каблуки и снова становлюсь Властой: властной, зеленоглазой, с хитрой улыбкой. Никто не догадывается, что внутри этой красивой женщины живёт страх. Страх, что я так и останусь одна. Что никто не примет меня настоящую — нежную, слабую, уставшую вечно играть роль сильной.

Но я знаю: я — это тихая сила, что плещется за броней. Я — это свет, пробивающийся сквозь трещины маски. Я — любимая, красивая, живая. Та, что умеет плакать ночью и сиять днём. Та, что достойна нежности, покоя и глубокого, настоящего счастья. Я — женщина, которая однажды разрешит себе быть собой не только в тишине, но и на свету.

В школе Денис Владиславович не работает — уже года два как сбежал в репетиторство. Он химик. Странно: обычно это хрупкие женщины в очках, а тут — мужчина, да ещё и с биологией в придачу. Ах да, ещё он трудится в моём салоне администратором. Чертовски привлекателен, это факт. Клиентки, что приходят ко мне на процедуры для тела и лица, от него просто без ума. Ему тридцать три. Он моложе на пять лет своей обожаемой начальницы и подруги. И хотя эта властная подруга догадывается, что он питает к ней чувства чуть теплее дружеских, она непреклонна. Между ними — такие прекрасные, такие искренние дружеские отношения. Зачем пачкать их любовью? Не стоит. Эх.

Ах, этот чуткий друг душевный! Мой химик-биолог, экстра-класса наставник, что в свободное от менделеевских таблиц время записывает клиенток на массаж. Тонкая душевная организация — и никак не найдёт применение своей страстной натуре. Учёный муж, чья лаборатория — администраторская стойка, а главный реактив — слепая влюблённость в начальницу. Какое благородство: беречь идеальную дружбу, словно редкий кристалл, вместо того чтобы разбить пробирку о голову от любви. Истинный подвиг аскета.

Но я продолжаю играть свою жизнь. Ибо правда — это пепел, что тяжелее самого мрака. Её не выносят на свет, не вплетают в одежды дня. Её шепчут лишь духу своему в тот запретный час, когда гасят свечи и мир проваливается в тишину. И вот сейчас, в этом храме пустоты, я возношу её. Себе. Пусть даже ни один призрак не услышит, ни одна тень не поверит. Я хочу разбить молчание, как хрустальный череп — на осколки, чтобы они засверкали во тьме. Именно я играю эту жизнь.

И если моя правда — лишь пепел, пусть он станет тем светом, которым я сожгу все чужие маски. Но с чего же чужие? Зачем они тебе? Начни со своей собственной, красивая женщина по имени Власта.

За окном стоял густой, непроглядный октябрь — сырой и сумрачный, он уже дышал первыми заморозками. В салоне кипела работа: клиентки, словно чувствуя приближение зимы, тянулись за последним теплом ухода, и каждая процедура становилась особенно важной. Власта сидела в своём кабинете, утопая в мягком свете настольной лампы. Все уже разошлись, время перевалило за десять — вечер, уставший от дневной суеты, плавно перетекал в ночь. Рядом с ней, словно тень и опора, был её Дэн. Оставалось лишь закрыть салон, и он повезёт её домой: её машина всё ещё находилась в сервисе, ожидая хозяйку.

— Власт, — начал Дэн, уставившись в пол, и я сразу почувствовала: назревает нечто настоящему серьёзное. Мы сидели в моём кабинете после закрытия, пили чай, а он комкал в пальцах салфетку, словно провинившийся школяр. — Только не подумай, что я тронулся умом. Но я записался... к одному человеку. В деревне. Он колдун. Настоящий, говорят. Клиентка Марта Петросовна порекомендовала — божится, специалист первоклассный. Она в этих делах собаку съела: ни один колдун, ни одна гадалка мимо неё не прошли. А этот, говорит, от природы, от самой земли — тем и держит.

Колдовство начинается там, где разум умолкает, а сердце вспоминает: мир не заканчивается за порогом очевидного.

Власта вскинула бровь и медленно отставила чашку. Денис — химик, человек науки, рационалист до мозга костей — и вдруг колдун. Это слово резануло слух, будто осколок стекла, но она знала: в отчаянной тьме люди хватаются даже за призрачную, дрожащую нить. Он поднял глаза, и в них плескалась такая обнажённая, почти болезненная надежда — хрупкая, как первый лёд, — что Власта не посмела усмехнуться.

— Я хочу спросить его, когда ты из подружки станешь моей любимой женщиной, — выпалил Дэн, и краска залила лицо от шеи до корней волос. — Просто поезжай со мной. Не отказывайся. Я не стану настаивать, но... я должен попробовать.

Власта смотрела на него — на этого умного, красивого мужчину, который столько лет был рядом, молчал, ждал, поддерживал. И сердце сжалось не от жалости, а от странной, горько-сладкой смеси нежности и страха. Она улыбнулась — той самой хитрой улыбкой, которую он так любил — и кивнула.

— Хорошо, Дэн. Когда едем?

Утром субботы они загрузились в его серый седан. Денис нервничал — перебирал радиостанции, комкал пальцами руль, словно пытался выжать из него покой. Власта молча смотрела в окно: город таял за спиной, уступая место полям, небо раздвигалось шире, воздух становился прозрачнее, будто сама Вселенная, вздохнув, раздвигала границы, готовя их к чему-то неизбежному. Дорога заняла часа полтора. Деревня, которую он вбил в навигатор, оказалась глухой: дома с резными наличниками глядели на мир усталыми окнами, пыльные просёлки вились змеями, куры на обочинах копошились в пожухлой траве. Остановились у старого, но крепкого дома с синими ставнями, выцветшими от дождей и времени.

На крыльце, густо оплетённом диким виноградом — его багряные листья уже тронул октябрь, мокрый и терпкий, — стоял человек. Воздух вокруг него казался плотнее, насыщенней: пахло прелой листвой, сырой землёй и чем-то неуловимым, горьковато-сладким, как дым от первого костра. Он оказался молодым — на вид лет тридцать пять, не больше. Высокий,

стройный, с аккуратной бородой и лицом, которое хотелось рассматривать, словно забытый сон. Одет он был во всё чёрное: чёрный тонкий свитер, облегающий плечи, тёмные брюки, тяжёлые ботинки — ни единой светлой нити, ни намёка на уют. На плечах — капли тумана, в волосах — сырость поздней осени. Октябрь цеплялся за него мокрыми пальцами, но он стоял прямо, будто само ненастье обтекало его, не смея коснуться. Не деревенский старец — скорее герой старых романов: аристократические черты, прямой нос, серые глаза — светлые, прозрачные, пронзительные, как осколки северного неба, упавшие на землю в этот хмурый месяц. Он смотрел на них спокойно, без удивления, будто ждал именно этой минуты. Взгляд его задержался на ней дольше, чем на Дэне, и Власта почувствовала, как по спине пробежал холодок — не от страха, а от странной ясности, будто этот человек видит сквозь кожу, сквозь слова, сквозь все маски, что она носила годами.

Деревенский колдун жестом пригласил гостей войти. В доме плотно стоял запах трав, воска и чего-то приторно-сладкого — возможно, мёда, застывшего вековой слезой в сотах. В горнице, где он принимал, горели свечи, хотя день полыхал до дерзости солнечный. На столе — карты Таро, россыпь камней в деревянной шкатулке и старый, вытертый блокнот, хранивший, казалось, больше теней, чем слов. Дэн опустился на лавку, Власта — напротив. Колдун — назовём его так — не задавал вопросов. Он просто смотрел на них минуту, другую, словно считывая то, что они сами в себе боялись заметить. Затем взял руку женщины — ей не нужно было к нему идти, она лишь сопровождала и поддерживала друга, но руку протянула легко, одними кончиками пальцев, — и закрыл глаза. Молчание затянулось так, что Дэн заёрзал, но она не шелохнулась. Странное спокойствие накрыло её — то самое, что бывает перед бурей: воздух застывает, и ты уже знаешь: сейчас что-то изменится навсегда. Власта понимала: все эти инструменты на столе — лишь бутафория, игра для глаз. Сила его — внутри, и хотя для колдуна важен истинный инструмент, он никогда не покажет его простому обывателю. Власта понимала и другое: всё это — для зевак, вроде Марты Петросовны.

Колдун распахнул веки и впился взглядом прямо в неё — в Власту, красивую и хитрую. Она сидела напротив, и вдруг, повинаясь его безмолвной воле, поднялась с места. Он встал напротив неё, и она ощутила, как его взгляд ползёт по ней сверху донизу — тяжёлый, древний, словно он видел не только одежду, но и каждую затаённую тайну, каждую укрытую мысль. Чёрные джинсы плотно облегли бёдра, на ногах — грубые ботинки милитари с толстой подошвой, с металлическими вставками, что тяжёлыми ударами отбивали шаг о каменный пол. Сверху чёрная дутая куртка распахнута, чтобы открыть футболку с алым принтом — кровавая роза на чернильном фоне, крупная, яркая, вызывающая, словно брошенный судьбе вызов. Две тугие смоляные косы лежали на плечах — тяжёлые, почти до груди, и лишь редкие светлые нити в них, то ли паутина, то ли игра лунного света, добавляли этой чёрной глубине тревожной загадочности. Губы её были алыми, сочными, с помадой — чуть ярче, чем следовало, чуть дерзновеннее, чем позволял вкус; сами собой они шептали: «это уже перебор», но она любила эту отчаянную смелость, что превращала её рот то ли в свежую рану, то ли в распутившийся влажный лепесток. В ушах мерно покачивались длинные серьги из золота с рубинами: тяжёлые, они играли при каждом движении, и алые камни вспыхивали огнём, вторили цвету губ и розы.

Но главным были её глаза. Зелёные, как молодая листва после ливня, но с тёмным, почти чёрным ободком вокруг зрачка, они казались живыми, текучими — будто в самой их глубине кипела сдержанная, готовая выплеснуться сила. В их бездне вспыхивали золотые искры, рождённые не светом, а её нравом, той древней женской хитростью, что она носила в себе, как тайное оружие. Эти глаза умели быть мягкими и ласковыми, когда Власта желала обмануть, и ледяными — когда гнев закипал в ней. Сейчас же красивая молодая женщина смотрела на

колдуна с вызовом, чуть прищурившись, и длинные чёрные ресницы отбрасывали густые тени на острые скулы. Кожа её была бледной, почти фарфоровой, на щеках проступал лёгкий румянец — то ли от холода, то ли от предвкушения схватки.

«Ну что, красавец, колдун, говоришь? Или кто ты там, — думала она, не разжимая губ. — Думаешь, я пришла просить пощады? Ошибаешься. Ты ещё не ведаешь, что я вижу тебя насквозь. Каждое твоё заклинание, каждый украденный шёпот — я слышу их иначе, чем ты можешь вообразить. И если ты вздумаешь переиграть меня, твоя же сила ударит по тебе, словно змея, ужалившая своего хозяина. Я здесь не затем, чтобы кланяться. Я здесь, чтобы ты наконец понял: игра началась. И эту партию веду я».

Он молчал — изучал. Власта замерла, не шелохнувшись; лишь серги вздрагивали в такт неслышному пульсу, словно демоны внутри играли её подвесками, разрывая тишину на звенящие осколки. Его взгляд скользнул по плечам, по изгибу шеи, по рукам, струящимся вдоль тела, — и она ощутила, как его сила касается её: невесомая, незримая ладонь, пробующая её волю на излом. Но Власта не дрогнула. Она привыкла к таким взглядам. В этом мире многие видели в ней диковинку, опасную игрушку, — но она не была игрушкой. Она — женщина, знающая себе цену. И её внешность — лишь одна из граней оружия, что она носит. Она знала свою истинную суть: Власта — не имя, а заклятие, шёпотом сотканное из лунного света и пепла. В жилах её текла не кровь — древняя тишина, что помнит первые звёзды. Сама она звала себя не женщиной — живым изгибом тайны, тем, что не подвластно ни взгляду, ни руке. Она — трещина между мирами, где застревают чужие желания и падают, обессиленные, как мотыльки в смолу. Её тело — лишь оболочка для той, что никогда не была рождена, но вечно возвращается в этот мир перелистывать страницы чужих судеб.

Чёрные джинсы обнимали её ноги не просто тканью — змеиной хваткой, беззвучным объятием хищницы: каждый изгиб, каждое движение становилось безмолвной заявкой на власть — тихую, но неумолимую, как прилив, что точит скалы. Ботинки в стиле милитари вколачивали в землю грубую силу, будто она сошла с поля боя, где пепел ещё не остыл, а сам воздух дрожит от эха выстрелов, застрявших в тишине осколками. Но внутри этой суровой брони пряталась утончённость — в изгибе губ, в глубоком блеске рубинов, в той проклятой розе на футболке, что смеялась над её напускной жёсткостью, дразня его запретным плодом. Она видела, как колдун нахмурился, силясь прочесть её, и усмехнулась медленно, чуть приоткрыв губы — помада сверкнула в дрожащем свете редких свечей хищным, почти звериным отблеском.

— Ну что, насмотрелся? — спросила она тихо, с хрипотцой, пробирающей до самых костей, словно сквозняк из иного мира. — Или ждёшь, что я начну первой? А я уже впилась в тебя взглядом — и всё не пойму: ты ломаешь комедию? Но ведь ты умён. Не верю я в этот фарс... хотя ты мне нравишься, — выпалила Власта и сама поразилась собственной откровенности, будто сорвала печать с тайны, что берегла слишком долго.

Колдун молчал, но в его потемневших глазах полыхнул ответ — безмолвный, как пламя на ветру, жадное и ненасытное. Власта поняла: игра началась. Они были готовы к ней, и, что самое страшное, каждый уже в этот миг чертил свои правила на песке чужой воли. Одного они не прозрели: что оба — лишь марионетки, чьи нити сведены в кулаке того, кто столкнул два этих рока, две эти судьбы, заставив их плясать под музыку, которой они ещё не слышали.

— Ты не веришь, что можно быть нужной просто так, — произнёс он тихо, словно перелистывал пожелтевшие страницы её бессонных ночей. — Твоя сила — броня, которую ты не снимаешь даже во сне. Твой спутник, с которым ты сегодня приехала ко мне, ждал тебя шесть лет. Не потому, что не решался — а потому, что знал: ты ещё не созрела для этой встречи. Но час пробил. Осталось лишь одно — твой шаг. Всего один.

Власта поняла: колдун говорит сейчас не о Денисе, а о них — о нём и о ней. И что эта встреча была предначертана тем незримым кукловодом, что сплёл их судьбы в единый узел в эти самые минуты.

Денис смотрел на Власту и на колдуна, широко распахнув глаза, словно пытаюсь вместить в них нечто, не укладывающееся в реальность. В какой-то миг они оба умолкли — просто стояли и вглядывались друг в друга, будто в бездну, которая вот-вот ответит им тем же. Ком в горле душил её, но она ни за что не признается, чёрт побери, что происходит, — билась в ней мысль, острая и колючая. — Задел меня, что ли? Нет, нет, мне этого не надо. Я с Дэном, у него проблемы, а я просто его подруга, поддержка. Колдун смотрел и думал: красивая женщина — и нрав её, и характер. Что происходит? Мне не нужны никакие женщины. И колдун заговорил, и голос его прозвучал сухо, как шелест старой бумаги: — Молодой человек, Денис, кажется, вас зовут. Вам нужен мёд? Моя соседка торгует отменным мёдом. Она будет вашей. Власта понимала: хозяин дома издевается над её другом. Но она продолжала молчать, и молчание это стало тягучим, как смола.

Им обоим — не надо. Ни любви, ни её призрака, ни даже намёка на дрожь в пальцах. Но кто спросил тех, кто заплетает судьбы в узлы ещё до того, как души успеют сказать «нет»? Незримая пряжа уже пропустила их нити сквозь одно веретено — и тишина между ними стала гуще, чем самый сладкий яд.

Дэн вышел во двор — соседка, бабка Макариха, махнула ему через забор, подзывая за мёдом, и он послушно потопал к её дому, оставляя за спиной сгущающуюся тишину. Они остались одни. Тишина вползла в комнату — густая, как тот самый мёд, липкая и приторная до оскомины. Колдун подошёл к ней — бесшумно, мягко, словно тень, вдруг обретшая плоть. Не спрашивая, протянул руку, и она, сама не своя, будто ведомая чужой волей, вынула телефон. Он вбил номер, коротко глянул ей в глаза — и в этом взгляде было обещание, древнее, как земля под их ногами, древнее самого времени. — Демид, — произнёс он, и голос его прозвучал глубже, чем прежде, уходя в самую душу. — Теперь ты моя. Он уйдёт. А ты останешься. Она хотела ответить, но слова застряли в горле, и она лишь кивнула, чувствуя, как внутри разрастается что-то тёмное и сладкое — предчувствие, от которого невозможно отречься, как невозможно отречься от собственной тени. — А может, ты мой, — выпалила она. — Что, чёрт возьми, происходит? — сказали они одновременно в эту минуту.

В тишине, где мёд становится гуще крови, рождается не любовь — древняя тьма, что выбирает сама, не спрашивая имени. И имя ей — неизбежность.

Денис помнил наказ Марты Петросовны наизусть, будто выжженный в самой глубине души: если колдун предложит купить мёд у соседки бабушки Макарихи — бери, не мешкая, не раздумывая, хватай обеими руками. Молва стелилась по деревне змеей, шептала, что за чем бы ни явились к колдуну — любое желание срастётся с явью, как корень с землёй. И едва только это предложение сорвалось с губ колдуна, Денис, не обронив ни слова, не задав ни единого вопроса, метнулся прочь, словно за ним гнались все тени мира, чтобы скорее, скорее добыть

тот заветный, роковой мёд. Он и ведать не ведал, что таится в этом сладком обмане: колдун не привяжет к нему Власту — напротив, вырвет её из его жизни навсегда, оставив лишь горький пепел надежды.

Власта и Денис уехали почти сразу — едва он купил ту самую трёхлитровую банку мёда: золотистого, густого, будто застывшее солнце, пойманное в стеклянную ловушку. Дэн молчал всю обратную дорогу, только изредка косился на неё — взглядом, полным недосказанных вопросов, что тяжелее камней. А она смотрела на дорогу, на серые ленты асфальта, убегающие под колёса, и думала: всего один шаг. Шаг навстречу. Шаг, которого она страшилась больше, чем всех прожитых лет — лет, выцветших, как старая фотография на солнце. Но теперь она знала: его глаза будут ждать. И номер в телефоне горел угольком, прожигая карман насквозь, оставляя на коже невидимый ожог, что не заживал ни днём, ни ночью. Ей было плевать на мёд. Плевать на Дэна — пусть и друга, проверенного годами, как старый дуб, что выдержал немало бурь. Да и при чём он здесь вообще? Все её мысли обжигал тот колдун по имени Демид — человек, чей взгляд умел разжигать в ней пламя, которое она так долго не замечала, а теперь оно полыхало, не давая остыть.

Этот молодой колдун будоражил её кровь, словно запретное зелье, вплетённое в самое нутро вен. Одно его имя отзывалось в ней дрожью — тягучей и сладкой, как тот самый мёд, от которого невозможно оторваться, даже зная, что он отравлен. Он явился внезапно — тенью на грани сумерек, со взглядом, что прожигал до костей, заставляя забыть, где небо, а где бездна. Голос его, низкий и тягучий, обволакивал её, точно дым старого костра, и в нём шептались древние чары, обещая гибель и воскресение. Каждое прикосновение — даже случайное, даже мимолётное — оставляло на коже незримые искры, что потом долго мерцали в темноте под закрытыми веками. Он был опасен, как первый глоток огненной воды на голодный желудок, и она знала это. Но именно эта опасность, этот первобытный жар, разливающийся по жилам, делал её живой. Демид не просто будоражил — он заново высекал в ней огонь, что, казалось, давно истлел. И теперь, в тишине машины, она чувствовала, как это пламя разгорается всё ярче, сжигая последние пепелища её страхов.

Она падала в него, как в древнее заклиние, где имя — это ключ, поцелуй — печать, а ночь — расплата за бессмертие, дарованное одним лишь взглядом.

Случайность — тень на циферблате мира,
А встреча — шрам, прошитый по судьбе.
Она скользит, как отзвук старой лиры,
Как слово, что забыли при мольбе.
Он смотрит сквозь угар чужого бала,
Где вальс усталый путает сердца, —
И вечность в нём внезапно замолчала,
И тишина дошла до самого конца.

Князь или граф — какая в этом разница,
Когда в зрачках — предзимняя река?
Она — не та, что клонится и ластится,
Она — клинок, застывший у виска.
Две чёрные косы лежат сурово,
И голос — не молитва, а приказ.

Он думал: вырвусь, дайте только слово, —
Но сам упал в неё в последний раз.

Расплата есть — глухая, без ответа:
Не он сломал — его сломала страсть.
Любовь вошла, не требуя привета,
Взяла его в свою глухую пасть,
Где нет ни дна, ни края, ни спасенья,
Лишь взгляд один, держащий на весу.
Она его, без просьб и без прощенья,
Втянула в бесконечную грозу.

Стоят вдвоём сквозь годы и потери,
Сквозь новый свет и прежнюю печаль,
Где свет и тьма не заперли бы двери,
Где время утекает, словно сталь.
Не тропы выют — а что-то выше понимания:
Беззвучный знак, невидимая нить.
Их встреча — не конец и не начало,
А то, чему нас учит вечность жить.

Так пусть же длится этот бой без правил,
Где каждый жест — удар, а шаг — разрыв.
Он, как в бреду, её черты оставил
Внутри себя, навеки пригвоздив.
Она ж молчит, как камень под водою,
Храня в груди свой ледяной приказ.
И между ними — поле под луною,
Где не сойтись им больше ни на час.

А после — тишь. И комната пустая,
Где стынет чай и падает звезда.
Он шепчет: «Было...» Память воскресая,
Уже не ждёт ответа, как всегда.
Она ушла, оставив только стужу
В углах души, где прятался покой.
И даже ангел, приставной и чуждый,
Не встал теперь меж ними и строкой.

Но нет конца. Ведь есть иное слово,
Что держат губы сжатые в кольцо.
Оно звучит и тихо, и сурово,
Как поцелуй, что выжжет всё лицо.
«Вернись», — не крик, а выдох в час прощанья,

Когда уже не верится ни в что.
И в этом «да» — всё горе и сиянье,
Всё то, что было, есть и не пришло.

Она вернётся. Только в час иной ли,
Под звук дождя, что мерит тишину?
Сквозь дверь, что не закрыта на засовы,
Она войдёт, чтоб рухнуть в глубину.
И он поймёт: всё это было — плата
За то, что жил, не ведая границ.
Что встреча — шрам, а вечность — это плаха,
Что тает в горле у ночных зарниц.

А после — снова. Круговерть и стужа,
И две души, что спаяны в одну.
Не разорвать. И мир, который нужен,
Уже не спрячет их за пелену.
Они — как нож и ножны, как два взгляда,
Что держат мир на острие огня.
Им ни покоя, ни любви не надо —
Лишь эта встреча, что длиннее дня.

Душа не знает повторений

В любви не бывает второго дубля — только жизнь, только её единственный, неповторимый кадр. Людей в жизни может быть много — или вовсе никого, — но настоящая любовь, живая, колдовская, обжигающе страстная, приходит лишь однажды, единственной и неповторимой. И пусть кто угодно твердит обратное.

Она, Власта, стояла у окна старого деревенского дома, всматриваясь в сумерки, что лиловой дымкой оседали на лес. В руке она сжимала высушенную ветку полыни — жёсткую, горькую, пропахшую забвением. За спиной, в углу, теплился огарок свечи, и тени плясали по бревенчатым стенам, будто живые. Она знала: он придёт. Демид, молодой колдун, которого бабки в округе боялись пуще лешего, а девки тайком носили молоко и хлеб, лишь бы не сглазил скотину. Но Власта не боялась. Она ждала.

Ей минуло тридцать восемь — рубеж, где женская красота не меркнет, а спелым яблоком наливается, наливным, медовым, с горчинкой увядания, но оттого ещё слаще. Лицо — молодое, холёное; она косметолог, не только чужие черты холит, но и своё блюдёт, хоть природа-матушка и так постаралась на славу — чего греха таить. Очи горели тем огнём, что не гаснет с годами, а лишь пуще разгорается, жжёт изнутри, как жар-птицы перо под сердцем. Несла она красоту свою, словно корону царскую, — с гордостью, с властностью: скулы точёные, взгляд пронзительный, как нож булатный. От него не укрыться, не схорониться. Чувалась в ней сила, что подковы гнёт и проклятия выжигает дотла. Власта была ведьмой — истинной, коренной, хоть сама себе в том не признавалась. Ей бы в лесной глуши травы собирать, порчу снимать, мороки насылать — делала бы это «от души», как говаривала, а не от учёности. Да только душа у неё тёмная? Скорее — спящая. Негоже делить её на тьму и свет: всё едино в ней. Столько в ней света, а рассвет всё долог. Перед ним — омут глубокий, полный боли: жизнь летит быстрее стрелы, а сути её она до конца не постигла. Потери, развод с мужем, хоть брак и подарил сына — Егора, сокола ясного. Почти девятнадцать ему, с ума сойти, какой взрослый. Характером весь в мать, в свою Власту Даниловну. А она всё ждёт да ждёт той самой любви, что приходит раз — и навек, как заговорённая. Была она женщиной земной, от мира сего, и творила чудеса в своём салоне. Но была умна, проницательна, зряча. И если подумать хорошенько, ведьма из неё вышла бы самая настоящая: умная, красивая — каких поискать.

Она носила магию в кончиках пальцев, а свет — в самых глубоких ранах. Между утренней зарёй и чёрным омутом стояла женщина, что умела врачевать чужие лики, но так и не простила собственной душе её греха.

Демид явился беззвучно, как и подобает колдуну. Дверь не вздохнула, половицы не охнули — он просто вырос в середь горницы, стряхивая с плеч ночную сырость. Было ему тридцать четыре лета. Высокий, гибкий, с очами цвета выжженной степи. Он носил длинные волосы, перехваченные сыромятным шнурком, а на поясе мотался мешочек с волчьим клыком да сушёным змеевиком. Смерть и жизнь мешались в нём в такой страшной мере, что даже старые ведуньи обходили его стороной.

— Пришёл, — молвила Власта, не обернувшись.

— Звала, — ответил он голосом, в котором не было ни тепла, ни стужи. Простая быль.

Власта повернулась. Демид впился в неё взглядом — тяжёлым, испытующим, каким глядят на запутанный узел чар, что надобно распутать, но не порвать. Меж ними не было нежности. Не было той сладкой истомы, о коей поют в балладах. Было иное: туго натянутая тетива, чей звон слышали лишь они двое.

— Зачем ты снова привязал меня к себе? — голос Власты прозвучал глухо, словно из-под толщи воды. — Я чувую твою магию даже во сне. Ты тянешь из меня силу, как корень тянет сок из матери-земли.

— Ты сама по доброй воле отдала мне эту власть, — усмехнулся Демид, и в полумраке блеснули его очи. — Когда целовала меня у Чёртова моста. Али запомнятовала?

Она помнила. Тот поцелуй был не знаком любви — печатью сделки, клеймом, выжженным на губах, что стыло серебром.

В тот день — спустя седмицу от того октябрьского, предрассветного часа, когда Власта впервые повстречала колдуна, — пришла она к реке одна, без Дэна. Просто чтобы постоять, душой приникнуть к тишине. Какая-то неведомая сила — древняя, как сама осень, как первая горечь увядания, как плач улетающих птиц — привела её на этот берег. Она пробудилась до зари, когда туман ещё стелился над водой белым саваном, и отправилась в путь. И там, на отлогом берегу, встретила Демиду. Он будто ждал её. Всегда ждал, словно корень ждёт весенней влаги, словно месяц ждёт ночи.

Он писал ей всю седмицу — вести ложились одна за другой, как жёлтые листья в её опустелый сад. Она отвечала. Но сухо, словно за каждым словом опускала кованую решётку, за коей нет места бродягам да перемётным ветрам. Он понимал. Сердцем чувал: она ему по сердцу. Но о том он пока — ни слова, ни полслова, ни намёка. Молчал, как вода подо льдом.

— Здравствуй, родная, — сказал он, и голос его стелился, как дым над рекой.

— Здравствуй, родной, — ответила она — без сарказма, без колкости. Ровно, как вода.

Она была легко одета — не по погоде, не для октября, не для леса, что тянул к ней чёрные руки ветвей.

— Замёрзла? — спросил он.

— Немного, — ответила она. И была спокойна.

Он шагнул вплотную — и обнял её: по-мужски, властно, всем телом. Она позволила. Он был в камуфляже, в тяжёлых сапогах, борода к лицу, а взгляд — аристократический, глубокий, как сама земля-матушка. Она же — вся городская, хрупкая, чужая этому миру мха, сырости и хвойной мглы. Молча глядели друг другу в очи: её зелёные — изумруды, его серые — пепел. И сливались, рождая иной цвет — колдовской, цвета тлена да первой зарницы, цвета нездешней, невозможной любви. Именно — любви.

Заговорил Демид. Здесь, на этом самом месте, когда-то жена одного сельчанина хотела кинуться в омут — наложить на себя руки, сырой земле предать живую душу. Муж избивал её до полусмерти, и, устав от бесконечных побоев, решила она на шаг отчаянный. Но в послед-

ний миг повстречался ей местный колдун. Не дал ступить в чёрную воду. Предложил сделку: «Ты отдашь мне каплю крови своей, а я дам тебе силу — такую, что ни одна рука боле на тебя не поднимется». Она согласилась. Поцелуй скрепил тот уговор, и с той поры минуло три года. Муж её сгинул в лесу: то ли заплутал, то ли волки задрали, то ли сам колдун руку приложил — женщина никогда не пыталась. Она стала полновластной хозяйкой своей жизни, но при этом — послушной куклой в руках ведуна. И «кукла колдуна» здесь не красное словцо. Вглядишься: то значит, что живая душа становится лишь оболочкой, из которой пьют силу, покуда тепло в ней теплится. Никто не ведаёт, когда колдун дёрнет за нить. И чем платят те, кто однажды продал себя за свободу.

Кукла колдуна — не мёртвая метафора, не праздный вымысел. То ледяной след чужой воли, вживлённый в живую, ещё трепетную душу. Была она — жена, дышавшая сама, знавшая свой голос и свой путь. Но едва чёрный взгляд мага лёг на неё — растеряла себя: воля осыпалась пеплом, крик застрял в горле немотой, руки и ноги заходили по нитям, что тянутся из мрака, незримые, но неумолимые, как морок.

Колдун — не имя, не лик, не плоть земная. Он есть самая суть зла, тихая гибель, что рядится в ласку. Он — манипуляция, ставшая дыханием; разрушительная сила, что не покояет — выпивает свет до дна, а взамен оставляет лишь дрожащую, послушную тень. Может явиться он человеком с глазами-льдинами — но чаще становится тем, что руками не взять: пагубной страстью, что шепчет сладкие яды; зависимостью, плетущей клеть из желаний; мёртвой идеологией, что переплавляет живые души в серую, безликую пыль.

К.О.Л.Д.У.Н. — Как Омут, что Льётся в Душу, Уничтожая Надежду.

Свободной женщина пребывает лишь до той поры, пока колдун не вымолвит её имя шёпотом. После — она уже не помнит, каким звуком пел её собственный голос.

Демид умолк — и тишина легла меж ними тяжелее надгробного камня, гуще тумана над гиблым омутом. Власта вгляделась в чёрную воду; та, казалось, затаила дыхание, слушая вместе с ней. Лунный свет рассыпался на серебряные черепки, и в каждом из них мерещился чей-то взор — то ли той бабы, то ли самого ведуна, то ли тех, кто канул в бездну и более не всплывёт.

— Ты хочешь сказать, — выдохнула она, и голос её надломился, словно невидимая студёная рука сдавила горло, — что она не просто согласилась? Что она приняла неволю за волю? Сама избрала цепи, приняв их за крылья?

Демид усмехнулся — в усмешке той не было ни искры веселья, лишь горькая правда, выстраданная тем, кто глядел в такие провалы, где обычному оку дна не сыскать. Он был деревенским колдуном — и ремесло его, тёмное да древнее, как сама мать-сыра земля, не прощало слабости.

— Хуже. Она возжелала призрак вольности. Чуешь разницу? Воля — когда ты сама решаешь, куда ступить, с кем молвить слово. Призрак — когда тебе мнится, будто ты избираешь путь, а всяк твой шаг уже вплетён в узор, что ткёт кукловод. Колдун не сокрушал её волю грубой силой. Он поступил тоньше: он сотворил так, чтобы её желанья запели в лад с его. Она алкала защиты — он укрыл её крылом. Она мечтала ни перед кем не гнуть спину — он воздвиг мир, где кланяться надобно было лишь ему одному. И она была счастлива. По-своему. Первое время.

Власта увидела ту женщину — образ её вдруг проступил в сознании, будто выплыл из тьмы. В ней звенела сталь, жила негибкая стать решений и готовность рухнуть в омут, лишь бы не сгорать дотла в побоях да унижениях. А после — встреча в лесу, у самой кромки воды. Старец с очами, где вместо неба застыла бездна. Он не шепчет, не грозит. Он просто кладёт перед нею выбор, как камень на ладонь: «Хочешь силы? Вот тебе сила. Плата — малая, всего капля крови. Да поцелуй, чтобы скрепить уговор». Что она почуяла в тот миг? Облегчение — ледяным ключом? Надежду — горькую, как полынь? Или тот самый страх, что она утопила в отчаянии, не давая ему всплыть?

Когда выбор ложится на ладонь тяжёлым камнем, душа взвешивает не силу — цену той сделки.

— А что случилось с её мужем? — спросила она, хоть уже ведала ответ.

Демид повёл плечом:

— А какая разница? Для колдуна он был что тень на пороге — досадная помеха. Может, и впрямь заплутал. Может, волки задрали. А может, колдун лишь помыслил — и женщине хватило одной этой мысли, чтобы всё сбылось. Сама того не ведая. А вот что страшнее: они чаще всего и не чувствуют, что стали орудием. Просыпаются утром, умываются, глядят в зеркало — а оттуда на них не свои глаза глядят. То глаза того, кто однажды поцеловал их в уста.

Он указал перстом на омут.

— Вот здесь, в самой глубине, вода стоит недвижно. Даже в бурю не колеблется. Сказывают, это оттого, что на дне лежит камень, на котором колдун клятвы свои приносил. И всякая капля крови, что он брал, падала на тот камень и становилась частью его силы. Женщины сами к нему приходят. Никто не неволит. Слышат слухи — шёпотом передают на базарах да у колодезь: «Есть тут один, что может дать тебе то, чего муж не даст. Или чего мир не даст. А цена... цена невелика». И приходят. Кто в отчаянии, кто во гневе, кто от скуки или от жадности. И все уходят довольные. До поры.

Власта вздрогнула, хоть утро не было студёным — и не оттого, что одета не по погоде и уж не для лесных дорог. Где-то вдалеке ухнула сова — и крик её прозвучал предостережением.

— А чем платят те, кто однажды продал себя? — спросила она, и голос её дрогнул, словно струна на ветру.

Демид вперил в неё взгляд долгий, тяжкий, словно камень придорожный.

— Каплей живой крови. Каждый день — по капле. Поначалу не заметишь: силы прибывают, уверенность крепнет, власть течёт в жилы, ядовитая да сладкая. Но минует год, другой — и чувствуешь: усталость берёт своё, плечи прежнего валит с ног. Сны становятся пустыми, словно избы выстуженные. Радость уходит, остаётся лишь ровное, тёплое довольство — как у кота, которого гладит хозяйская рука. А после ты и вовсе перестаёшь боль чувствовать. Ни телесной, ни душевной. И мнится тебе сия благодать великой. Но без боли умирает и любовь, и страх, и надежда. Становишься ты ровной, спокойной оболочкой — вежливой, пустой. Внутри — тишина звенящая, словно в храме, где давно не звучала молитва. А колдун всё тянет и тянет твою силу,

до тех пор, пока не останется от тебя одна шелуха — прозрачная, тонкая, как высохшее крыло цикады. Тогда отпустит он. Или не отпустит — как ряд положен.

Она уже не помнит, где кончается воля её и начинаются его персты, что дёргают за нити незримые. Она — марионетка из вечности: очи — два озера мёртвых, улыбка — трещина на маске фарфоровой. В груди, вместо сердца, — тиканье часов, заведённых чужой рукой. Она пляшет, ибо завели её. Она молчит, ибо голос остался в той, первой капле. Чудится ей порой, что теплится внутри что-то живое, да то лишь отражение месяца в зеркале разбитом. Колдун глядит сквозь неё, как сквозь стекло дымчатое, и видит лишь пустоту, им же самим выпитую.

Капля за каплей отдаём мы себя тому, кто сулит бессмертие, а взамен получаем лишь тишину — такую глубокую, что в ней никто не услышит даже имени собственного.

Склонился он к самой глади водной, дохнул — и побежали круги по воде, разрывая отражение луны на серебряные осколки.

— Молвят, та жёнка доселе жива. Бродит по селу, улыбается, двор ведёт. Да никто не упомнит, чтоб смех её слышал. Никто не зрел, чтоб плакала она. Просто есть — как камень есть, как туман стелется, как пустота в избе, где никто не живёт. А коль в очи ей заглянешь невзначай да промедлишь — узришь на дне чёрный камень: гладкий, студёный, мёртвый. И поймёшь: хозяйки там боле нет. Одна кукла осталась.

Встрепенулся ветер в ветвях ивы — и помстилось мне: по ту сторону омута кто-то стоит. Тень, чернее ночи самой. Зажмурилась я, а как очи распахнула — пусто. Лишь рябь по воде бежит.

— И что ж теперь? — молвила я чуть слышно. — Что мне с веданием этим делать?

Поднялся Демид, не спеша отряхнул порты.

— А ничего. Запомни одно: как почудится тебе, что путь лёгкий — единственный, вспомни быть сию. И спроси себя: готова ли ты каплю жизни отдать за то, что даром взять можно? Переждав лишь. Перетерпев. Себя не предав. А ныне пойдём. Вода студёна, да день долог. Негоже мешкать там, где колдуны душами торгуют.

Обернулся он и зашагал прочь, не оглядываясь. А она всё глядела в чёрную гладь омута, и чудилось ей: из глубины смотрит кто-то, кто уж выбрал свой жребий. И ждёт, когда свой изберу я.

Власта глядела на Демида молча. Взор её был глубок, как омут.

— Дивна песня, — отозвалась она, и голос дрогнул, словно струна. — Тебе, Демид, такая кукла надобна? Не по адресу.

— Ведьма, — молвил он.

— Колдун, — ответила она.

И зелёные очи её засияли — вспыхнуло в них древнее, голодное, нечеловечье.

Замер Демид, затем медленно обернулся к Власте. Ступила она к нему — и он сжал её в объятиях так крепко, словно боялся: растает в воздухе. Нет, не кукла она. Женщина, что он возлюбил истинно седмицу назад. Впервой в жизни. Он — деревенский колдун, ещё молод, а она — его зеленоглазая ведьма, красна, словно сошедшая с иного света.

Он целовал её. Властно. Страстно. До хруста — так, что земля ушла из-под ног, а небо покачнулось. Никто и никогда не целовал её так: будто сама река времени остановилась у их губ.

В поцелуе том они почуяли друг друга — не год, не век, а целую вечность. Словно одна кровь билась в двух грудях, одна любовь, которой не было ни начала, ни конца. Казалось, сам лес вековой, и река, и тот колдун из старых сказок благословляли этот союз. Не было здесь торга — одна лишь правда чувств, что даётся не всякому смертному.

Но плата оказалась горькой, как полынь. Всякий раз, как Демид оказывался рядом, её тянуло к нему силой слепой, неодолимой — не как к мужчине, а как к животворному источнику. Магия его входила в неё током, жаром, дыханием — так путник в лютую стужу тянется к печи, когда мороз пробирает до костей. И не было в том притяжении ни капли романтики: одна лишь звериная жажда — взять, напиться, прильнуть и сгореть дотла. Он же видел в ней лишь сосуд. Когда его сила иссякала, он черпал из неё, а она отдавала безропотно, не смея отказать. Ибо в те мгновения — когда он пил её, а она угасала — она впервые чувствовала себя цельной.

Но однажды что-то надломилось в тишине. Власта поймала себя на том, что смотрит на него иначе — жадно, неотрывно, с тоскою неведомой. Она боле не желала быть кувшином. Она жаждала равенства. А может, и не равенства — она хотела быть единой.

— Ты превратил меня в игрушку, — выдохнула она, до хруста сжимая стебель полыни, так что пальцы побелели. — В куклу бессловесную.

— Нет, — Демид качнул головой, и в голосе его звякнула сталь. — Кукла не ведаёт боли. Кукла не умеет желать. А ты желаешь. Меня. Не силу мою — меня самого. То иное.

Он шагнул ближе. Она не шелохнулась. Меж ними остался лишь один шаг — черта, что может либо спасти, либо испепелить дотла.

— Не ведаю я, чего хочу, — выдохнула она, и тот выдох был подобен сломанному вздоху ветра в пустой горнице. — Запуталась я. Ты — молод, силен, кровь твоя кипит огнём, а руки помнят лишь лёгкость заклинаний. А я... я — баба строптивая, у которой за плечами целая жизнь, как выжженная степь: дело моё, воля моя, шрамы мои. На что я тебе? Для силы? Так ты и без меня сыщешь источник. Молодой, сочный, что бьёт ключом из земли, не зная устали. На что тебе старая, горькая глина?

— Молчи, — оборвал её Демид, и в голосе его впервые дрогнула живая струна. — Ничего ты не разумеешь. Али мыслишь, я выбрал тебя наобум? Али мог взять любую девку с деревни да вылепить из неё ведьму? Нет. Ты уже была ею. Во мне ты лишь пробудилась. Я не отнимал твою силу — я разбудил её. И теперь она растёт и во мне тоже. Мы связаны не поцелуем у моста. Мы повязаны кровью, что текла в тебе задолго до меня. Ты — моя пара. Не кукла. Ведьма, равная мне по силе. Любимая.

Последнее слово упало в тишину, как камень в стоячую воду — круги пошли, и дрожь прошла по самому воздуху. Власта вздрогнула, будто её коснулась рука незримая. Она ждала этого слова, вынашивала его в сердце, но ныне, когда оно прозвучало, оно обожгло горло ледяной росой.

— Коли это правда, — выдохнула она, и голос её струился, как лунный свет сквозь туман, — тогда докажи. Разорви ту связь, что сплетена из теней наших и шёпота. Отпусти меня, как ветер отпускает лист, не ведая, упадёт ли тот в его ладонь снова. Ежели я вернусь к тебе сама — знать, так было зачато звёздами. Ежели нет — знать, всё это нам лишь привиделось в дыму меж мирами. Любовь... а способны ли мы с тобой на такое чувство? И есть ли она на самом деле? — не унималась Власта, и каждое её слово плело незримую паутину меж их душами.

Любовь — что заклятие безгласное: коли она истинна, не надобно держать её на цепях — сама сыщёт путь сквозь тьму к твоему сердцу. Отпусти — и узришь, твоя ли она навеки.

Демид молчал столь долго, что само время, казалось, стекло в бездну. Ветер яростно ударил в оконницу, и свеча зашипела, вздрогнула, едва не утонув во мраке. Тогда он медленно простёр руку — и в воздухе, меж ними, возгорелась серебряная нить, тонкая, пульсирующая живым светом. Она тянулась от самой глубины груди его к её сердцу — словно последняя связь меж двумя мирами. Он дунул на неё едва приметно — и нить лопнула, рассыпавшись мириадами серебристых искр, кои бесшумно осели на пол, аки звёздный пепел.

Власта покачнулась. Впервые за весь месяц, что они были знакомы, накрыло её ледяное одиночество. Не просто одиночество — полное, до краёв, до самого нутра. Ничто более не влекло её к сему человеку. Ни магия, что прежде пела в крови, ни давний долг, ни тень привязанности. Осталась лишь она сама — и звенящая, бескрайняя пустота.

Демид развернулся и шагнул в ночь — молча, не обернувшись, словно и не было его вовсе.

Оставшись одна, Власта выронила ветку полыни. Она глухо стукнулась о пол, и сей звук показался ей последним ударом сердца. Девушка медленно сползла по стене, пока не оказалась на холодном полу. Сердце билось где-то в горле — настойчиво, больно, словно птица, запертая в клетке. Она ждала облегчения, ждала, что вместе с уходом Демиды уйдёт и тягость, но вместо воли навалилась на неё тоска — студёная, липкая, аки предутренний туман.

Ныне, когда магия рассыпалась прахом и более не держала их вместе, надлежало ей сотворить выбор. Истинный. Без чар, без нитей, без обмана. Должна была она решить: вернуться к нему по своей воле — либо отпустить навеки.

И ответ пришёл сам собою — горячей волной из самой глубины души. Вдруг она уразумела: полынь, что сжимала она в ладони, вовсе не оберег от него. То плата. Горькая, сухая, бесплодная плата за жизнь минувшую. А за окном, в лесу, стоял он — живой, горячий, настоящий. И в сей миг перестала она быть куклою. Стала она женщиной, ведающей, чего хочет. Любимой женщиной колдуна.

Власта поднялась, накинула на плечи пушистую шерстяную шаль — и ступила в объятия ночи, словно в реку забвения. Звёзды над головой полыхали так ярко, будто в них отражались

очи Демида — жгучие, бессонные, манящие к себе, как омут. Пошла она по тропе, не оглянувшись, и в сердце её звенела тишина небесная. Ведала: сей шаг — не по долгу, не по принуждению, а по той единой любви, что, как старцы шептали, приходит лишь раз в жизни. Единственная. Неповторимая. В ту ночь сам Млечный Путь, рассыпавшись жемчугом, соединил небеса с землёю, и Боги, затаив дыханье, венчали любовь Демида и Власты.

В его зрачках тонут бездонные ночи, в её ладонях тлеет пепел сгоревших созвездий. Их любовь — заклятие древнее, коего не снять, не выжечь калёным железом, не переписать наново: два проклятия, сросшиеся в одно дыханье, в одно благословенье, в одну неизбежность.

Он был моложе — горизонт иной,
В его зрачках гулял весенний ветер,
Она — с луной, с повадкой вековой,
С седой полыньёю, спрятанной в рассвете.
Он говорил: «Твой возраст — не беда,
Во мне живёт не по годам та сила,
Мне дан огонь, тебе — живая мгла,
Любовь не спросит, сколько нам отпето».

Она качала головой в тиши:
«Ты пахнешь мятой, соком, свежей глиной,
Во мне же — корни, яд и виражи,
И голос сов в глуши сорочьей длинной.
Зачем тебе мой выжженный порог,
Где тени ходят в собственных обличьях?
Поберегись — я за плечом клинок
Храню, невидимый в твоём величье».

Но он не слушал — встал и прочитал
Над ней, как над раскрытою страницей:
«Ты ведьма не по книге, а по шраму,
Ты та, с кем я встречался в прошлых жизнях.
Я младше телом — духом я ровня
Твоим кострам, твоей глубокой дрёме,
Не время нас свело, а западня,
Где сердце сердцу — зеркало в истоме».

Она вздохнула, отступила прочь,
Глаза в глаза — искра пробежала:
«Тогда держи, смотри, какая ночь
Меж нас легла, какая тень дрожала».
И в тот же миг, без ритуала, слов,
Возникла нить — светящаяся, злая,
Не заговор, не кровь, не магия основ,
А просто встреча, душу разрывая.

Так и живут в колдовственном кругу,
Где он — весна, она — зима седая,
Но каждый шаг — как слово «берегу»,
И каждый вздох — как клятва, что живая.
Любовь у них без магии и чар,
Без привязи, без мёртвого заклатья,
Лишь две души, познавшие смысл бытия,
Слились в одно небесное объятье.

Демид

Жизнь человеческая — что есть она, как не путь тернистый, где за каждым изгибом судьба кладёт либо крест, либо звезду? В роду Елены Константиновны и Павла Витальевича сей путь прочертился нитью долга и мысли. Она — врач-гинеколог, чьи длани принимали тысячи младенцев в мир дольний. Он — профессор философии, чей ум разбирал на волокна саму суть бытия. Сорок зим и вёсен шли они рука в руку, и единственный их сын, Демид Павлович, впитал обе стихии: верность скальпеля и глубину созерцания.

Дед его, Константин Демидович, был сосудистым хирургом от Бога — руки его словно сами знали, где пролегает невидимая нить жизни. По стопам его пошёл и Демид. К тридцати двум годам он уже слыл провидцем в диагнозах: пальцы уверенно сжимали сталь инструмента, а сердце, казалось, было выковано из булата — не знало дрожи, не ведало усталости. Была у Демида девушка — красивая, добрая, и строили они планы на будущее, как у всех: семья, муж, жена и детишки. Нюша — Анна — явилась в его жизни внезапно, как летний ливень после засухи. Было ей двадцать семь. Смеялась она звонко и светло, и в смехе том Демиду чудилось обещание вечного покоя и райского сада, где время останавливает свой бег.

Тот день — двадцать третье июля — врезался в память калёным железом. Озеро Градское. Многолюдно. Крики, плеск воды, а затем — тишина, что звенит в ушах, словно натянутая струна. У Нюши сердце остановилось. Никто не поспел, никто не возмог. Врачи, что оказались рядом, лишь разводили руками: «Редкая хворь, мгновенная кончина». Демид, застыв в толпе зевак, глядел на бледный лик той, которую любил, и чувствовал, как внутри него что-то ломается с хрустом — сухо, неумолимо, словно ветвь под ногой. В тот роковой день они с Нюшей отдыхали на озере, и её сердце остановилось. Он и скорая — никто не смог спасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.